

И вот первое зимовье. Оно необитаемо. Громяная комната и печка посредине. И лютый, некомфортный мороз. Здесь мы ночуем, и еще темно, когда мы покидаем зимовье.

Ледяной дворец! Милый дом, рубленый, белый, человеческий! Кто тебя построил, какие люди поили, что ты будешь очень нужен на нашем ледяном пути? Добрый дом, построенный добрыми руками, мы бросаем тебя навсегда, прощай! Ты сделал то, что должно сделать каждое существо на нашей земле, — невозможно дать тебе другому существу. Давать до тех пор, пока не погаснешь сам. И ты и людей мы колосно, встретим на своем пути. Милый дом, ты тоже это делал, слава и уважение тебе. Грей дружок! В этом наша жизнь, мы это почили. Прощай, друг! Пожелай нам доброго пути!

В ТАЙГЕ Кругом стремительные, нацеленные прямо в небо сосны. Выше их — черные тучи опол. И еще выше белые космы из-под кашпонов, белая борода.

Трасса лежит, перекинута с горы на гору провода. Вниз тихо сползаем, дерга в руках лыжи и палки. Вверх медленно тащимся, поспылая и ругаясь про себя. Идем, сгибаясь от усталости. Одежда и валенки, ватники, ружья, гитара и продукты несем мы с собой. Семеро смелых, две девушки и пять парней, должны впервые пробить путь по всей трассе, где тянутся провода новой линии электропередачи Братск — Иркутск — ЛЭП-500. Семеро строят Братскую ГЭС. Теперь они агитаторы и несут лопачам призы комсомольцев строки: протянуть первую цепь линии к первым агрегатам в конце шестидесяти первого года. С ними восьмью — я, просто молодой писатель.

Дичаем от усталости. Снег рассыпается, не мнется, и ноги без сопротивления уходят в него до колен. Лыжи где-то там, под ним. Восьмью молча — тяжело идут нога в ногу. Темнеет. Ни черта не видно. Из-за деревьев, словно волчий глаз, багровый, налитый кровью, следит за нами луна. Боже, есть ли конец! Сколько же на свете этого снега!

РАССКАЗЫВАЕТ Полтора десятка рабочих искрени и долго хлопали нам после выступления нашей агитбригады. Подошел блондин, глубоко посаженные голубые глаза.

Кто ты? Пожалеешь, для вас кровать в углу, уважаемый товарищ! Очень правильно вы рассказываете. А у нас сегодня зарплата и тому подобное. В общем не желаете ли с нами выпить? Нет? Ну, извините, значит не смогу я, как ни дипломатично!

— Вы простите, — продолжал Николай — в такой день попали. Зарплата у нас. А так — скучновато. Братск — одна из лучших. Все старые лопачи. Но с культурой... Киню мы четыре месяца не видели. «Правда» в последнее время только раз привезли, один номер. Ну, мы его сразу до дыр зачитали. А «Огни Ангары» в конце месяца кино шло. Вот и изучаем жизнь задним числом.

— А вы кто по профессии? — Я? Будто зернист! Это — профессия здесь! Токая! Самостоятельная профессия. Тут нет шаблона. Я, товарищ, третий ЛЭП строю и работать умю. Только у меня так: пою и на доске почта вижу, а полгода выговор пишу. Эй-богу! Не верите? Не знаю сам, только всегда так получается. Вот на ЛЭП-220 был у нас пожар. Этот случай потом здорово ведре расписали. Написали, что мол, горели мои вещи, а я тут же спасал склад. Не так оно, товарищ, было. Там на складе изоляторы тысяча двести пятьдесят штук лежало, да семь катушек провода, да еще... Ценности! Я быстрым шагом шел — и он наравне, такой скорый пожар. Я начал бегом корчевать вокруг склада. Березня кругом, вспыхивал, как порох. Огонь идет, а я кручу, огонь идет, а я кручу!

Так и спас оборудование на четверть тысячу рублей. А на двадцать первом углу, там мы жили, сгорело все, и склад сгорел. Конечно, и личные вещи. Но личные — ладно, там тоже оборудование на четверть тысячу было! А уборщица наша дура! Стала из наших палаток зачем-то тубочки выносить... Спрятала в лес, а они все равно сгорели. Правда, мы не видели. Это корреспондент написал, будто мы видели, как наши вещи пылают. Ерунда. Мы в это время свое спасали на участке.

— Как свое? — Ну, склад, изоляторы, провод... — Но ведь вы могли бы поехать и спасти свои личные вещи? — Николай не понял вопроса: — Зачем же ехать, когда здесь были свои вещи: склад, изоляторы, про-

Читатели «Литературной газеты» уже знают молодого писателя Анатолия Приставкина: в ноябре от 21 XI 1959 года был опубликован рассказ «Восвещать». Анатолий Приставкин — член Союза писателей. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. А. Приставкин уехал на строительство Братской ГЭС, где несколько месяцев работал в бригаде лопачей. После этого документальную повесть «Мои современники» («Сибирские огни», № 9, 1959). Минувшей осенью А. Приставкин снова уехал в бригаду, чтобы вместе с другими в жизни народной. Его очерки «Страна Лэпия», начало которого мы печатаем сегодня, рассказывает о людях, строящих новую линию электропередачи Братск — Иркутск.

У ЖУРНАЛА

Поиски и находки

во внешнем оформлении — это общепонятно, хотя далеко не всегда подтверждается практикой. Но украинский «Всесвіт», не так давно вступивший в семью своих собратьев — «столкст» журналов, это лицо обра сразу же. И опаснейший обитатель спутника земной шар с пятнами материков и океанов, и слова «Весь мир», повторенные на тридцати языках, показывают «географическое» разнообразие номера. «Всесвіт» широко «охватывает» мир. Романы, повести, рассказы, напечатанные в прошлых годах и первых номерах этого года, убеждают, что у «Иностранной литературы» появился на Украине достойный друг и соратник. «Всесвіт» часто первым в нашей стране публикует многие произведения зарубежных писателей. Это — роман Андрея Стрелы «Мы будем любить завтра», романы Берта Коула «Вулкан Субу» и Макса Шумбарна «Юд знамена, ребята» (США), Арчибада Кронина «Гробница престолоса», Рауля Ларри «Без отдачи» (Аргентина), Таудаво Искава «Камыш под ветром» (Япония). В. Макека «С утра проносся ураган» (Польша).

А поэзия? Ангола и Мозамбик, Непал и Япония, Греция и Алжир, Китай и Болгария — далеко не полный перечень стран, чьи поэты представлены на страницах журнала. Широко охватывает украинский журнал и произведения авторов, работа над которыми ведется в «Всесвиті». Хороши переводы стихов Мао Цзюна, выполненные Миколой Бажаном. Во вступительной статье украинский поэт рассказывает о своей работе: Микола Бажан глубоко изучил древнюю и современную поэзию братского народа, ее национальные традиции. С удачными стихотворными переводами выступили Леонид Переможский, А. Машинко, О. Новицкий, Дмитрий Павличко и другие.

Большим и сложным проблематикой...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 30 (4155) Четверг, 10 марта 1960 г.

Цена 40 коп.

Страна Лэпия

Анатолий ПРИСТАВИН

вод. Вот и вышла мне благодарность. И на доску почта, и в газету. Хотя не так все было. Никакого подвига не было, и не обгорал я. А тут случилась такая штука. Стояли мы в деревне Александровке. Подходит ко мне председатель ихний и просит: «Сделай нам прямую дорогу. Три километра всего, а уж там «кальмы» или что хочешь!» А у них объезд — десяток километров. Взялся я колхозникам помогать. Чистил, чистил. А на пути озеро. Такое, знаешь, болотце. Не стал я его обходить, поехал напрямки по льду — бухнул в воду. Только успел высочиться! Зловоние мне вылетело тогда. Полторы тысячи денег выплатил да выговор получил. После этого на трассе — к Коршунихе — опять нагнал свое. С блестящим надо сказать, мы прошли. Как танкисты все равно.

И опять я, значит, на доске почта. Да нет, я не буду рассказывать, вы чего-нибудь напишите такого... А у нас работа трудная, упорная, не в одних срывах заключается. Сейчас даем не меньше двух норм. Это вы сегодня, товарищ, после получения попали... Просто неудобно попали!

РУКАВИЦЫ С вечера в комнате шел спор: нужны ли ночные дежурства?

— А вдруг что-нибудь пропадет! Народ всякий! — Что у тебя пропадет? Что у нас вообще ценного? — Это, конечно. Но ведь мелочь какая-нибудь. Рукавицы, например. А на трассе без рукавиц... — Кому они нужны, твои рукавицы!

Утром наш капитан Толя Калинин не нашел своих меховых рукавиц. Он так верил, что рукавицы пропадут, что они не пропасть просто не могли. И они пропали. Толя очень разозлился и надел чьи-то чужие, висевшие тут же. Дорогой он торжествовал: — Я горю! Говорил же! Без дежурного нельзя. Нет, не верил! Вот и ищи-свищи рукавицы!

Мы все шли молча. Шли на этот раз вдоль автотрассы. Часа через два около нас резко затормозила машина. Вышел человек и подошел к нам. Машина ушла: — Ребята, вы мои рукавицы не брали? А то собрался на охоту... Толя протянул ему рукавицы. — Ага, мои. А я-то думаю, может, по случайности взяли...

Мы ничего не сказали Толе, но каждый предложил свои рукавицы. Километров через пятнадцать, уже когда мы собрался свернуть на двадцатый угол, около нас опять остановилась машина. Какой-то человек приоткрыл дверцу и протянул сверток: — Ребята, меховые варежки не ваши? На зимовье оставили...

— Где наши? — спросил Толя Упавшим голосом, принимая рукавицы. Человек не расслышал вопроса, захопнул дверцу, и машина унеслась, подлая снежная пыль. Мы посмотрели на Толю и опять ничего не сказали. Мы только забрали свои рукавицы.

ВАСИЛИИ Обедать мы остановились в первом углу. Простая палатка. Хозяева — демобилизованные в этом году солдаты.

— Комсомольцы есть? — Все мы комсомольцы тут! Пришел бригадир. Усатый, красивый человек с пылкими темными глазами: — Здравствуйте. Что же это гости сухари едят? Хлеба им дайте!

Наша ребята мне шепнули: «Козыренко!» Я о нем слышал раньше. И не раз. Лучший бригадир лучшей бригады лопачев. Есть стих о Козыренко. И где-то даже в песне упоминается его имя.

Козыренко пошел к нам: — Ребята мои! Хорошие хлопцы. Не вытяти. Это главное. Здесь до нас, как раз на этом участке, бригада развалилась. Не выдержала трудностей.

Продолжение. Начало см. «Литературную газету» от 5 марта с. г.

Михаил Шолохов в Дании и Норвегии

Михаил Шолохов в Дании и Норвегии

В О ВРЕМЯ пребывания в Копенгагене М. Шолохов присутствовал на демонстрации фильма «Судьба человека» в крупнейшем кинотеатре датской столицы «Риальто».

Перед началом сеанса М. Шолохов выступил с краткой речью, в которой заявил: «Вы сейчас увидите тяжелый фильм, который заставляет зрителя подумать над важнейшими проблемами современности — проблемами мира и войны. Я искренне желаю, чтобы на датскую землю никогда не падали гранаты и ракеты, чтобы бомбардировщики никогда не летали над крышами датских домов».

Общество сотрудничества между Данией и Советским Союзом организовало встречу М. А. Шолохова с членами общества, датскими писателями и представителями общественности.

Встречу открыл писатель Ханс Кирк. Председатель Союза датских писателей Ханс Лонгбо-Энсен во вступительном слове рассказал о жизненном пути и творчестве М. А. Шолохова.

Встреченный продолжительными аплодисментами присутствующих, М. А. Шолохов ответил на вопросы и ответил на вопросы советской литературы за последние годы и задачи, стоящих перед писателями.

Газеты публикуют статьи, в которых называют М. Шолохова «крупнейшим современным советским писателем».

7 марта М. А. Шолохов с семьей прибыл в столицу Норвегии город Осло. Во время пребывания в Норвегии М. А. Шолохов выступил перед норвежскими студентами, встретился с писателями и издателями и будет присутствовать на премьере кинофильма «Тихий дождь» в Бергене.

Тарих, вся Франция готовится сейчас к приему высокого гостя. Через несколько дней во Францию придет с визитом глава Советского правительства Н. С. Хрущев. Все люди доброй воли желают полного успеха этой миссии мира и дружбы! На этом снимке — площадь Согласия, один из прекрасных уголков французской столицы.

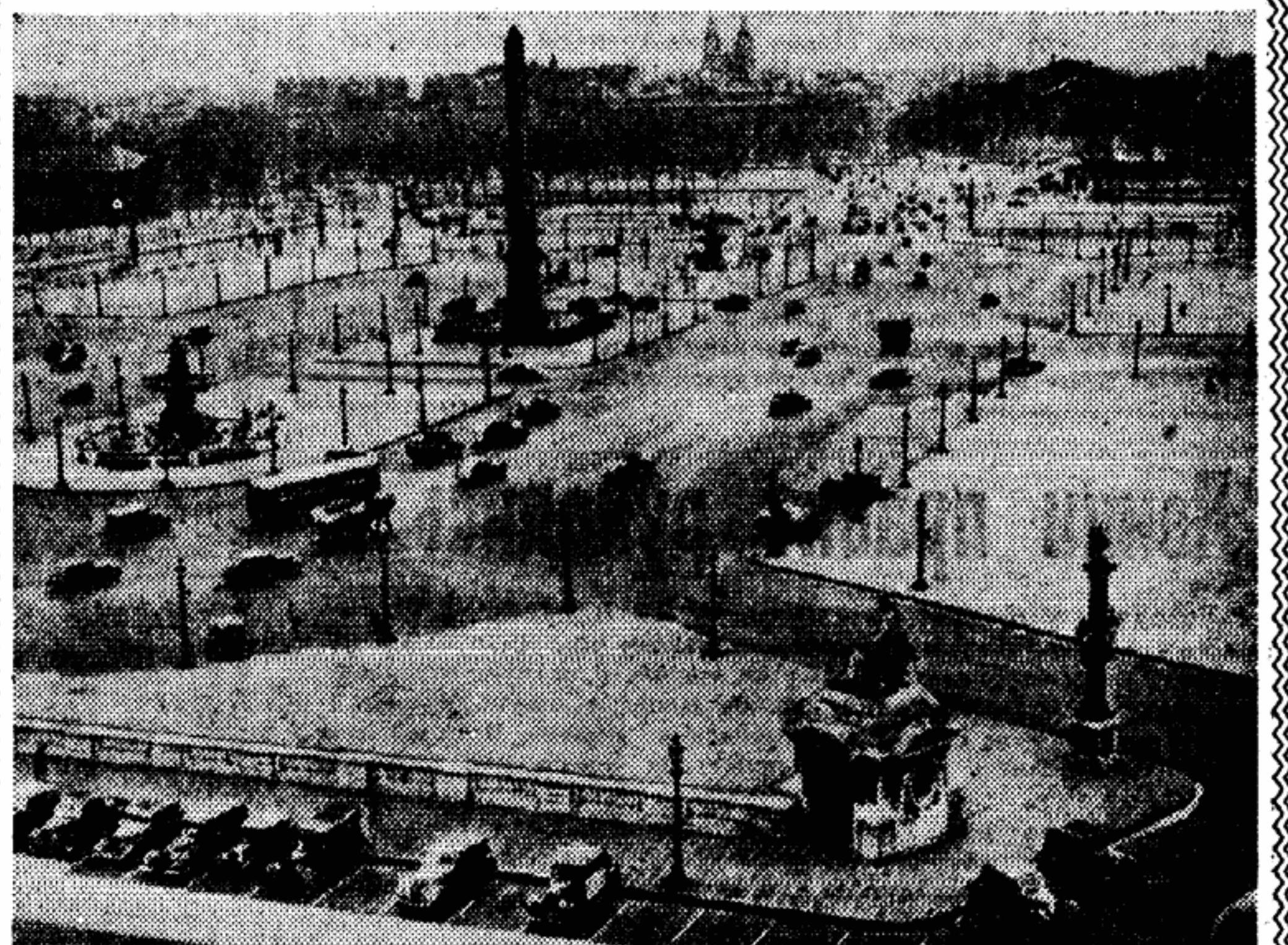

Фото Франс Пресс

30 ЯНВАРЯ 1922

года в холостом браке. Географического института в Петрограде. А Ферман проназав речь «Пути к науке будущего». Его слушателями были будущие исследователи богатств нашей Родины, многие из которых уже стали профессорами. А Ферман говорил: — Посмотрим вокруг на окружающие нас завоевания научной мысли: перед торжеством разума и научной техники рунтятся устои старого мировоззрения, и среди этих картин пальма первенства принадлежит, бесспорно, одной науке — физике. Ее методика, раздвигающая ежесекундно рамки познаваемого мира, ее математический анализ и глубокий философский подход глубоко захватили в своих завоеваниях области других дисциплин: уже повелительно распоряжается физика в старом царстве химии, создавая совершенно новый мир понятий и ставя перед химией новые проблемы химической физики; старая кристаллография превратилась в главу физики о строениях материи, минералогия, геохимия и астрофизика стали слоняться в совершенно новую область научного познания. Единство мысли и единство метода — вот что несет за собою торжествующая физика, и все точное положение знание объединяется вокруг этой научной дисциплины, в ее методах видя правильные пути успеха.

И одновременно с этим на наших глазах упорно отстаивает в своем развитии мир гуманитарных и исторических дисциплин, не сумевший пойти дальше сравнительного метода исследования, уже замкнувшись в свои старые достижения, чуждый новых исканий и новых великих завоеваний творческой мысли.

Очевидно, ученый не приписал марксизм к гуманитарным дисциплинам. Но и при этом не все было верно, то есть научно обосновано в удивительной речи А. Фермана о путях будущей науки (в частности, предсказание о постепенном умалении наук гуманитарных, хотя, почти четыре десятилетия спустя, эти настроения живы и сегодня, как мы видели по вышеприведенным примерам). Но интересно другое — заключительный вывод ученого о науке будущего: «Когда точное и положительное знание захватит в своем победном шествии самого человека, тогда во всей красоте будущее будет принадлежать тому, что сейчас мы называем науками гуманитарными, что так безжалостно разбивали мы недавно в анализе их современных достижений. Снова к самому человеку, к его познанию и творческой мысли вернется наука».

Очевидно, ученый не приписал марксизм к гуманитарным дисциплинам. Но и при этом не все было верно, то есть научно обосновано в удивительной речи А. Фермана о путях будущей науки (в частности, предсказание о постепенном умалении наук гуманитарных, хотя, почти четыре десятилетия спустя, эти настроения живы и сегодня, как мы видели по вышеприведенным примерам). Но интересно другое — заключительный вывод ученого о науке будущего: «Когда точное и положительное знание захватит в своем победном шествии самого человека, тогда во всей красоте будущее будет принадлежать тому, что сейчас мы называем науками гуманитарными, что так безжалостно разбивали мы недавно в анализе их современных достижений. Снова к самому человеку, к его познанию и творческой мысли вернется наука».

Продолжение. Начало см. «Литературную газету» от 5 марта с. г.

ма своеобразной роли: его «С блокнотом по Италии» — это серия запоминающихся рисунков с остроумным текстом.

И все же малые журнальные формы на страницах «Всесвита» пока что явно преобладают. Хотелось бы чаще видеть яркие по мысли и форме статьи о важнейших проблемах современности. Это могли бы быть беседы писателей, общественных деятелей Запада и Востока за «круглым столом», полемические отклики на выступления зарубежной прессы, широкое обсуждение вопросов международной жизни. Нельзя, конечно, называть журнал ту или иную форму «единичного материала» — он сам найдет ее. Но одно несомненно: «Всесвіт» должен расширить свой авторский актив — для этого у него есть возможности, используемые сегодня еще не до конца.

Перепечатка материалов зарубежной прессы? Слов нет, пресса зарубежных стран подкачала «Всесвиту» немало острых, злободневных и интересных выступлений, таких, как рассказ об участии американского летчика, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму (перепечатка из польской прессы), или документальный очерк об истории раздела Берлина (из немецкого журнала «Фрейе вельт»). Но так или уж обязательно было в ответ на просьбу читателя рассказать о творчестве савататора Кьянзано вместо оригинальной обзорной статьи советского или зарубежного критика — помещать перепечатку из итальянского журнала, дающую поверхностное представление о творчестве поэта?

Всего полтора года издается журнал «Всесвіт». Находок много. Это опыт. А просчет... просчет конечно, тоже опыт. «Всесвіт» уже завоевала читательскую аудиторию. Она будет еще шире — в этом мы уверены.

В. ОСКОКНИ

КАМО ПРЯДЕШЬ?

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ука, и прекрасны будут ее достижения на пороге нового мира, когда из того, что сейчас называем мы homo sapiens, создается homo scientiae».

Итак, всякий просто «мыслящий человек» (homo sapiens) должен будет превратиться как бы в научного человека (homo scientiae), в ученого. Несомненно, формирование гармонически развитого человека, который при коммунизме будет жить не в условиях противуположности умственного и физического труда и не в условиях других профессиональных противоречий нашего времени, в известной мере уже начинается и сегодня, при социализме. Но это еще только зародыш, задаток будущего. П. Антокольский думает это приблизить или ускорить тем, что поэты должны вести читателей в таинственный мир многих мир новой гармонии и новой красоты науки: «Если для поэта нашего времени не звучат музыка и ритмом текущая вселенная Гераклида и движение мечаемых атомов в крошечной системе, — значит, он еще не прошел бессонных ночных часов, пытаясь (хотя бы пытаясь, большее не спросишь с него) проникнуть в тайны материи, загаданные физиками XX века, — значит, он предпочитает плестись в обзоае армии, покоряющей природу».

О научной поэзии, о захвате знаний поэтическими средствами мечтал более полвека тому назад и французский «сциентист» Рене Гиль и у нас Валерий Брюсов. Впрочем, мы могли бы эту нить протянуть в прошлое на два тысячелетия, к временам Горация или Лукреция Кара. Однако я думаю, что П. Антокольский ошибается, считая, что человек будущего предсказан Леонардо, Ломоносовым, Гете. История не повторяется. Тот тип универсальности, объединяющей математическое и художественное мышление, в котором поэт видит облик будущего человека, будет иным. Историю Гете не может быть отнесено к этому ряду, так как он не опирался на математическую интуицию в своих естественно-научных занятиях. Мечты Антокольского красивы, они увлекательны. Но они нереалистичны. Тот тип универсального гения, который был возможен во времена Леонардо да Винчи (XV—XVI вв.), определялся также и уровнем развития самой науки. Сегодня разветвленное развитие, дифференциация отдельных отраслей знания зашла так далеко, что никакой самый универсальный ум не в состоянии овладеть всеми отраслями даже одной науки, оставаясь на уровне ее самой. Даже разработка одних математических проблем зашла так далеко, что трудно постичь все высшие аспекты интегралов Фурье и Лебега, линейные пространства Банаха, квазианалитическую функцию, сложнейшее уравнение векторной геометрии и т. д. и т. п. Мне рассказывал один математик, с каким трудом ему самому на лекции приходится следить за развитием мысли академика А. Колмогорова. «Начало научного сообщения всегда возбуждает потоком новых идей, а потом даже специалист становится трудно следовать за тем, как каждая непрерывная функция любого числа переменных может быть представлена в виде суперпозиции функций — суммы и непрерывных функций одного переменного». Следуя пожеланию поэта, можно потратить немало бессонных ночей на составление алгоритма хотя бы для одного машинного перевода. Но, не будучи специалистом, легко соскользнуть на колено Велемира Хлебникова, который составлял математические таблицы судеб человеческих. Это — грустное свидетельство мистической «математики».

Кроме того, и в будущем, при коммунизме объективные диалектические противоречия самой природы останутся отражены в науке о природе. И как ни велики наши устремления обесценить при коммунизме формирование нового, гармонически развитого человека, не может быть снято противоречие между двумя видами познания человеком природы — чувственным и абстрактно-логическим, и не будет оставлено untouched углубление специальности и, наконец, победное шествие математики. Все нарастающее значение математических методов исследования природы неоспоримо. «Математизация» жизни зашла так далеко, что не столько поэзия захватывает у математики новые обла-

сти, сколько, наоборот, математика захватывает целый ряд слов и понятий нашей обыденной жизни. Информация, вероятность, странность — эти и многие другие слова, к которым мы привыкли в обыденной жизни, сегодня «захвачены» математикой, и им придано уже совершенно другое значение. Да и что там странность, когда даже демон — уже не демон Байрона и Лермонтова, а «демон» Максвелла. Из поэтического образа он превратился в некое существо, которое подстерегает возле отверстия молекулу газа, чтобы «провергнуть» второй закон термодинамики. С другой стороны, Б. В. Томашевский перенес в филологию только одно понятие из строительной механики — «сопротивление материалов», да и то не в виде понятия, а в виде метафоры.

Итак, информация стала краеугольным понятием кибернетики. Недавно я спросил в связи с исследованием вопроса о славе и известности одного математика, автора книги по теории информации и вероятности: «Можно ли, по вашему мнению, использовать некоторые схемы (разумеется, я не рискнул сказать уравнения; нет, схемы), выработанные в кибернетике, для анализа понятия славы и известности как формы умножения информации с учетом кибернетического понятия «помех»?» — «Помилуйте! — воскликнул с изумлением мой собеседник. — Да это будет истое кощунство. Нет, вы писатели, пожалуйста, оставьте в покое и кибернетику, и теорию вероятности, и теорию информации и т. д. Я робко намекаю, что мне не совсем чужды некоторые разделы высшей математики. Тем более, — сказал он, — вы должны понимать, что нельзя смешивать то, что находится в разных плоскостях».

В логике движения мысли по релятивистской математике есть та принудительность, форсированность выводов, которые так пленяют высшего ученого и парализуют воображение. Это та же форсированность, что была в средневековой логической машине Раймунда Лудля, в арифмометре Паскаля, в современной электронной счетной машине. Все это релятивный транспорт мысли, который вас доставит к истине, как к конечной станции назначения. Сойти с математических рельсов — значит утратить дорогу к истине. Вот почему ученые не любят вторжения в специальные области и не любят «свободного поэтического полета» в неутомимом «царстве математических символов». Когда три академика выступили против свободно поэтических рассуждений Мариэтты Шагинян о теориях времени математика Козырева, то поистине в их гневе можно было расслышать нечто напоминающее слова Архимеда, который, по известной легенде, ответил римскому воину, вторгнувшемуся в его дом в Сиракузах: «Noli turbare circulos meos». — «Не трогай моих чертежей». В данном случае «чертежи» — научные факты, доказательства, методы, решения. Мне очень нравится поэтический сциентизм Шагинян, то есть ее умение художника вкусно, поэтически преподать некоторые научные истины и самый процесс освоения их писателем. М. Шагинян присущ как бы особый «талант освоения». Жаль, что ученые в своем ответе, оспаривая научные выводы писателя, не поддержали вот это важное для нашей культуры стремление и литературы осваивать некоторые области науки.

По правде говоря, ученые вообще недолюбливают литературных популяризаторов отдельных областей науки. Если к такому вторжению литературы сравнительно терпимо относятся медицина, биология, минералогия, то уже куда более ревнивы математика и физика. Это понятно. В этой сфере перевод абстрактных понятий в конкретные образы нелегко заставляет ежиться. А большинство математических символов — как языка науки о величине — просто непонятно на другие языки. Ученым легче овладеть и совместить со своей специальностью литературные данные и приемы, нежели поэту войти в лабиринты современной высшей математики. Норберт Винер, основатель кибернетики (которая неожиданно ярким светом осветила и произвела подлинный переворот в биологии, лингвистике и других, казалось бы, далеких областях), является не только выдающимся математиком, но и талантливым литератором (хотя и с не-

которым оттенком нарциссизма). Одно время Норберт Винер (1917—1919 гг.) работал и в качестве журналиста, написал и автобиографические книги («Я — математик», «Бывший вулканер»).

Нет, я думаю, что ученые более правы, нежели литераторы и поэты, когда оберегают спешидку своих методов в своих областях знаний. И так, там происходят события, которые не могут не наэлектризовать наше воображение. Физика элементарных частиц не только «завоевала» химию. Она подошла к живому веществу — к биологии. Человечество вот-вот уже стоит на пороге совершенно новых, чрезвычайных открытий, которые вращают на универсальные ядерные микрочастицы к процессам, происходящим в живом веществе, в том числе и в человеке. Но пусть философов и поэтов не гипнотизирует это торжествующее шествие бесцветных интегралов, холодных, как само космическое пространство.

Математика с ее символами — это мир величин. Не существует и мир качества. В. И. Ленин высказал в своих «Философских тетрадях» следующее слово из предисловия к первому изданию гегелевской «Науке логики»: «Философия не может брать своего метода у подчиненной науки — математики...»

«Но таким методом может быть лишь природа содержания, движущаяся в научном познании, причем вместе с тем эта же собственная рефлексия содержания сама первоначально полагает и производит его определение».

Известны многочисленные попытки западноевропейских математических логиков и логических позитивистов возвысить математику и формальный логический анализ (в частности, слов — у семантиков) над таким философским методом, который извлекается в природе самого содержания, над такой философией, которая сама констатирует свой путь.

Нет, философия — это не «ничья земля», как пишет о ней Б. Рассел в своей «Истории западной философии». Философские и логические категории захватывают величину и качества, объясняя самые общие закономерности связи и явлений. Успехи самой математики можно понять через философию, а не наоборот, философию понять через математику. Книга «Основы марксистской философии» за полтора года после своего издания нашла в Советском Союзе больше чем миллион читателей. Не только потому, что это учебное пособие для вузов. Нет, это и свидетельство об умонастроении молодежи, ищущей ключей к познанию мира.

Да, математика и физика заманчивы. Они дают не журавля в небе, а синицу в руки. Они — «Сезам — откройся». Даже дверь в космос. И можно почти увлечение наукой и техникой. Когда Н. С. Хрущев был недавно в Индии, то и он сам, и трое самых виднейших государственных деятелей Индии — президент Прасад, премьер-министр Неру, вице-президент Радхакришнан — все четверо в своих речах говорили о науке и технике как о ближайшей дороге человека к миру и счастью.

Есть еще одна заслуга у той науки, которая оперирует сложными математическими аппаратами. Она развивает и тренирует ум. Она дисциплинирует мысль. Она развивает ум и ширь и глубину. Недаром большие ученые — всегда и мыслители с широким кругозором, охватывающие процессы в разных областях знаний. Вот почему я бы, например, считал полезным усиление и внедрение математического образования еще в средней школе. Свойства математического гения — его раннее развитие. Альберт Эйнштейн освоил элементы высшей математики уже в 16 лет, Норберт Винер — в 14 лет. В 18 лет он уже был доктором философии и автором крупных математических символов и операций. Но через научно-техническое образование уже в средней школе должен лежать путь к освоению высших разделов наших знаний, то есть диалектического материализма. А без него нельзя понять до конца математику.

Но кланяться абстрактным символам математики, которые сегодня празднуют свой триумф на путях овладения силами природы, мы совершим горькую ошибку, если своей человеческий мир сузим до одних дифференциалов и интегралов. А где же философия, политика, нравственность, искусство? Ведь суть коммунизма заключается в том, что при нем расцветает все человеческое в человеке. Вот почему мне так по духу близка позиция Эренбурга в его выступлениях против нигилистических (Окончание на 3-й стр.)

ДОПАХАНО ЕЩЕ ОДНО НЕОБЪЯТНОЕ ПОЛЕ

Виталий ЗАКРУТКИН

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ борозды выведены и поставлены на дорогу наморенные и запряженные плуг воды. Они стонут, тяжело, тяжело вода боками. Натерты до зеркального блеска, отражает весеннюю лазурь неба отвал неподвижного плуга, еще хранящий тепло земли.

Пахарь стоит на дороге. Зорким взглядом притворенных глаз охватывает он темную пахоту; нет ли где огреха, не повила ли борозда, ровно ли оттянут край поля. И хотя лежит перед ним чистая, готовая к новой жизни земля, он медлит, не уходит.

Не так просто покинуть пахарю поле. Много дум передумал он об этом куске обработанной им земли. Загорались и меркли весенние зори, светило солнце, шумели ветры, бушевали над полем злые грозы, а он, неутомимый земледел, шагал и шагал, придерживая глубоко запущенный плуг, чтобы взрыть пласты веками нетронутой целины, приготовить мягкое ложе зерну.

Слегка склонив голову, здесь же прощась с пахотой, нетерпеливо уходит пахарь туда, где ждет его новое трудовое поле, новые думы, первые борозды новой пахоты.

«Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял не шевелясь, по-стариковски горбясь. Дул в лицо ему теплый ветер, накрапывал теплый дождь... За Доном бело всыхивали зарницы, и суровые, безразличные глаза Разметнова смотрели уже не вниз, но на обвалившийся край родной могилки, а туда, где за невидимой кромкой горизонта алым полем озарилось сразу полеба и, будя к жизни засыпающую природу, вылачивая и буйная, как в жаркую летнюю пору, шла последняя в этом году гроза».

Этими словами завершается роман Михаила Шолохова «Поднятая целина». Нетерпеливо ждали мы последних страниц любимой книги, гадали о судьбе ее героев, спорили. И вот автор поставил точку, простился с теми, о ком непрерывно думал многие годы.

Немало событий пролегло между первыми и последними главами «Поднятой целины». Немало воды утекло с тех пор, когда молодой автор уже всемирно известной, но незаконченной книги впервые увидел начало той трудной, суровой и славы дороги, по которой, ведомые Коммунистической партией, пошли миллионы хлебопашцев его Отчизны.

Это был влиятельный этап в истории социализма, не менее важный, чем Октябрьская революция: рушился многовековой уклад крестьянской жизни, ломались привычные устои земледелия, изменялась судьба каждой деревенской семьи, и вод страна волновалась, как потревоженный бурей океан.

Михаил Шолохов был в самой гуще этих незабываемых событий. Зорко всматривался он в то, что происходило вокруг: ездил по станциям и хуторам, до рассвета беседовал с людьми, выступал на собраниях. Горючим сердцем, острым взглядом художника он чувствовал, видел то, чем жила тогда деревня, — небытную веру в завтрашний день, светлую надежду бедняков, мучительные сомнения и колебания, волчьую злобу обреченных врагов.

Нужно было обладать твердостью и решимостью, солдатской доблестью и глубоким пониманием своего художнического долга, чтобы у истоков истока великого крестьянского движения и социализму отстоять еще далеко не завершленную эпопею «Тихий Дон», и ринувшись в круговорот горячих, потрясающих душу событий, целиком отдаться тому, что от него, художника, ждала партия и народ.

Шолохов выполнил свой долг. Первая книга «Поднятой целины» вышла в свет в те бурные годы. Принимая непосредственное участие в жизни и труде молодых колхозов, писатель заканчивал «Тихий Дон» и продолжает работу над второй книгой «Поднятой целины». Эта вторая книга была почти завершена в дни нападения гитлеровских полчищ на нашу страну.

Как всегда, Михаил Шолохов оказался на переднем крае жестокой, смертельной борьбы. Одевая в солдатскую шинель, он был на фронте, и многие рукописи (в том числе и рукопись второй книги «Поднятой целины») погибли на перепутьях войны.

Вторично исторические судьбы людей земли заставили писателя забыть о незавершенной книге и отдать себя тому, что было самым важным. Он пишет

КАК БЫЛО ИСПОРЧЕНО ХОРОШЕЕ ДЕЛО...

Какой это мог быть интересный и нужный разговор! Две секции Московского отделения Союза писателей — секция критиков и секция драматургов — объявили, что 7 марта состоится обсуждение работы критиков, печатающихся в газетах и журналах, специально занимающихся вопросами театра. Но, объявив это обсуждение, устроили, впрочем, странным образом «позабыв» пригласить на него представителей этих газет и журналов, а самое обсуждение не проводили, не подготовили, проявив, поистине удивительную безответственность в важном и серьезном деле.

В результате разговор получился пустой, бессодержательный, шел в полном отрыве от насущных идейно-творческих задач советского театра и советской критики, да к тому же еще не был свободен от высказываний непродуманных, а иногда и явно ошибочных.

Прав был поэтому председательствовавший на вечере А. Васильев, когда выразил сожаление по поводу яркого, как всегда, выступления в такой бесцельной потрате временной сил! Право, стоило бы потратить еще немного времени, чтобы разобраться в том вопросе.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПЕРСОНАЛЬНАЯ ОБИДА»

Горьковский обком профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности обсудил фальшивый доклад «Персональная обида», опубликованный в «Литературной газете» 4 февраля 1960 г. и признанный незаконным постановлением обкомов. Обком отменил как неправильное решение заблуждения о постановке пьесы «Патриотическое» в театре, а также решение обкомов предложить комбинату усилить контроль за работой комбинатов бытовых учреждений и принять меры к устранению недостатков, указанных в фальшивом докладе.

мех его плуга, и тяжелый, отпороженный трудной работой отвал выворачивает и являет людям все новые и новые пласты жизни, начисто срезаая ядовитые плесели прошлого и готовя ниву к завтрашнему дню...

Художник, истинно народный, понятный и доступный всем людям, Михаил Шолохов давно стал любимым писателем многомиллионного советского народа, а его имя известно всему миру.

Можно несколько не сомневаться в том, что недавно законченный роман «Поднятая целина» достоин быть увенчанным высокой наградой — Ленинской премией. Непреходящая и нетленная красота и значение прекрасных шолоховских книг, всегда зовущих к добру, правде, к тому, чтобы счастливо было человеку на земле. Чтобы не дымок, кровью и гномом, а хлебом, плодами и цветами пахла наша милая, данная на радость всему живому, земля.

МНЕ ХОЧЕТСЯ

коснуться статьи Валентина Плущеня. Я с интересом прочитал о тех поисках современных средств выражения, которые ведут наши товарищи по искусству в театре. Подобные поиски современного стиля, иногда удачные, иногда неудачные, происходят и у нас в кино. И все же у меня другое объяснение испытываемых нами трудностей. Когда думаешь о тех слабых, посредственных картинах, которые во множестве расползлись на наших экранах за последнее время, то причины их слабости видишь не в отсутствии смелых изобразительных решений, остроты ракурсов, напряженного ритма. Все это моменты вторичные.

Мне думается, что основная причина неудач в разработке современной темы в кино — это бедность мысли, узость кругозора, рутинная картина положительного героя, рутинная конфликтная и мысленная линия. И здесь не ошеломил нас на какие объективные причины — ведь жизнь бесконечна в своих проявлениях и формах, она не стоит на месте. В кинематографической рутине виноваты только мы сами — драматурги, режиссеры, артисты.

Я убежден, что мы вступаем в век кинематографа мысли. Чем дальше, тем больше и явственней будет проступать в нашем советском кино жизнь мысли, борьба мысли, интеллектуальный мир современного советского человека. Советский человек в наших фильмах должен не только чувствовать, но и думать. Мысли о жизни, о будущем, о человеке, о нравственных началах, о совести, о борьбе советских людей за их высокую цель — вот что должен суметь отобразить наш экран. Где пути к этому? Это особый вопрос, здесь все еще в поисках, в экспериментах. Но проследите, как мало думают положительные герои во многих наших фильмах о современности.

А мысль героя в сценарии должна быть столь же яркой, новой, своеобразной, как и в любом другом произведении литературы. Целеустремленность положительного героя и верность его коммунистическим идеалам сложным образом сплаваются с его индивидуальностью, с его неповторимым характером, с его «вкусом», прелестью, свойствами данного человека и дают в сплаве самые неожиданные краски и оттенки. И вот эти-то краски, оттенки, тонкости, сложности и драгоценны для художника.

Часто в сценариях мы придаем положительному герою только одну черту: волево начало. Действительно, высокая целеустремленность человека и верность его коммунистическим идеалам рождают огромный волевой порыв. И это надо, обязательно надо, показать. Но можно ту же задачу решать, так сказать, с другого конца. Можно

звучковых волн, которую можно воспроизвести на бумаге. Но это не значит, что Ферми утратил наслаждение музыкой. Здесь мы имеем пример того, как обнаруживает себя особый тип мировосприятия, складывающийся в результате постоянного пребывания ума в разряженной атмосфере математических символов. Поэтому, отсекая полемические крайности инженера Полетаева, мы, повторяю, можем понять психологическую почву, на которой возникает техницизм «без черемухи».

Наше время с его диспропорциями в развитии цивилизации может отбрасывать эти диспропорции и на экран дум. Но оно же, наше время, движущаяся и гармоничная коммунистического общества, зовет нас обратиться лицом именно этой гармонии человеческого развития. Все-таки большинство людей, даже оперирующих математическим аппаратом, повернуто к целому, а не к части человека. Для большинства людей и политика, и луна, и музыка, и соловей, и краски заката, и мерцание глаз любимой значат все-таки больше, чем поэзия формулы дважды два четыре, больше, чем форсированная красота математических доказательств. Что такое искусство, как не «инструмент», метод, прозрение человеком внутреннего мира другого человека, а через него и всей действительности. Языком качеств говорит и особый мир качеств. Однако изменяется и качество восприятия. Луна сегодня уже не просто бледное таинственное светило, каким она казалась древним поэтам. Луна — носитель советского металла. Человеческий гений стал всадником неведомого. Родается и новая эстетика.

Все же мне не кажется убедительным призыв Антокольского к поэтам устремляться сегодня в мир кинематических абстракций: «Наше дело — наша обязанность вести читателя за собой в этот еще таинственный для нас самих мир новой гармонии и новой красоты. Для каждого, кто всерьез хочет раздвинуть свои кругозор, результаты скажутся сами собою. Они сами обогатят поэтический язык поколения, наши воображение и ритм». В том-то и беда, что в этот «таинственный мир» поэт не может проникнуть с инструментами своей поэтической интуиции и своего поэтического воображения. Математика и поэзия лежат в разных плоскостях. И эти виды познания мира должны черпать свой метод у природы своего содержания. (Хотя и можно говорить о математической поэзии и поэтической математике.) В этом

Советские писатели в США

Группа советских писателей продолжает поездку по Соединенным Штатам. В беседе с корреспондентом ТАСС по телефону глава советской делегации поэт Степан Щипачев рассказал о впечатлениях от поездки.

— Американцы встречают нас очень тепло и радушно, — сказал С. Щипачев. — За последние 12 дней мы пересекли американский континент, побывали в Калифорнии и Аризоне, ознакомились с достопримечательностями этих штатов. Участвовали в нескольких пресс-конференциях, на которых присутствовало много местных писателей и журналистов. В Лос-Анджелесе мы встретились с известным американским драматургом Артуром Миллером и вместе с ним дружескую беседу. Миллер, в частности, сказал нам, что вскоре он собирается приехать в Советский Союз.

Местная печать уделяет большое внимание пребыванию советских писателей в США. Газеты публикуют подробные отчеты о наших встречах и выступлениях, печатают фотографии членов делегации.

Париж. Большие бульвары. Бульвар Капуцинов. Фото Франс Пресс

О кинематографе мысли и правды!

Сегодня в нашем обсуждении выступает Евг. ГАБРИЛОВИЧ. Следующими выступят Гурген Борян и Александр Зархи

показать, как под влиянием этих высоких идеалов вырабатывается сильный характер у человека слабого, человека, сомневающегося в своих возможностях, в своих силах. Положительным героем может быть человек и мужественный, но может быть, конечно, и невольный, и физически слабым. Он может петь песни, но может и не петь песен. Быть добрым и вовсе недобрым. Может любить цветы, но может и не любить цветов. Любить жену и не любить жены. И может, наконец, ухватить рыбку (эта краска является наиболее популярной среди сценаристов), но может и не ухватить урны рыб.

Странно об этом напоминать, но все же надо напомнить нашим сценаристам и режиссерам, что характер положительного героя разнообразен, как мир. И что это куда интереснее для художника, нежели характер, сработанный из негирбачиха частей. Взгляните, сколь различны Андрей Болконский, Пьер, Наташа, Петья Ростов, Тушин (истати, сутулый и слабый), а ведь все это персонажи положительных в понимании Толстого. Да и самая «несгибаемость» нашего героя может и должна иметь тысячи разных оттенков в зависимости от образа и характера человека. Мы же пользуемся только прямой, рутинной формой ее.

А рутинная конфликтная? Может быть, потому, что положительный герой у нас в кино чаще всего лапидарен, как же является и конфликт, при подходе которого расширяет существо своего героя автор. Человек одного только волевого импульса требует для своего выражения такого конфликта, который яснее всего показывал бы именно этот импульс. И вот из картины в картину — преодоление пожаров, наводнений, горных обвалов, а также козней разных консерваторов.

Передо мной хороший сценарий Земляка и Рожкова «Люди нашей долины», который будет сниматься на Киевской киностудии. Это сценарий о мелиораторах, в нем — настоящее чувство природы, атмосфера лесов и болот, точно передано то новое, что входит в толщу народа и переплетается с его исконными национальными чертами.

Но и здесь опять председатель колхоза, не видящий пользы от осушения болот. И снова те, кто вступает в борьбу с ним во имя этого осушения, значение которого ясно для всех, кроме председателя. И хотя в данном сценарии тонко, умно, живописно показаны многие события из жизни лесного, болотного

села, штампованного сюжета тяжким грузом висит над сценарием и будет висеть над фильмом, если в нем что-то серьезно не изменится. Зритель сразу узнает аномальный конфликт и сразу смекнет, что дело оканчивается безоговорочным поражением косного председателя. А разве так уже интересно смотреть кинофильм, начало и конец которого тебе досконально известны?

Значит ли это, что не существует конфликтов между старым и новым? Конечно же, они есть в огромном количестве, и конфликты эти — самые острые. Но, во-первых, в жизни они бесконечно разнообразны и охвачены бесконечным разнообразием характеров действующих лиц. Сколько характеров, сколько разных сюжетов одного и того же конфликта!.. И, во-вторых, эти конфликты не оканчиваются сразу и быстро, как в наших сценариях. О, если бы это было так!

Мы преуменьшаем серьезность конфликтов и столкновений в наших картинах, — и это еще одна беда. Жизнь — серьезная и строгая штука, и художник не должен ступать серьезность и сложность жизненных ситуаций, облегчать их. Вот из-за этих-то «облегчений» и получаются фильмы, которые никого не волнуют, хотя все до грена выверено в них мелкой редакторской олекой. «Значит, вы опять — за трагедией!» — скажут мне. — Снова — за мрачностью!..

Конечно же, нет! Я глубоко согласен с тем, что бессмысленность, тоска беспредельная не должны иметь место в наших картинах, воспевающих подвиги, неврастеников нам не нужно: вряд ли помогут нам в нашем деле люди, считающие, что все на свете обречено, что несчастье есть нечто неустрашимое в жизни, а тоска и печаль тем более. Но нельзя, основываясь на этом, отвергать показ в кино настоящих драм, действительных и суровых трудностей, подлинной сложности жизненных обстоятельств, всей серьезности жизни. Несерьезно горе, несерьезно и счастье. Игрушка борьба, игрушка и победа. Посмотрят зрители, пожмут плечами и разойдутся, и весь игрушечный фильм с его игрушечными страстями и трудностями не оставит в их сердце и следа.

Да, искусству нашему необходимо и свойствен оптимизм — уверенность, сила и радость светлой и побеждающей жизни. Но думается, что оптимизм киноленты не в том, что все препятствия мгновенно или чуть-чуть помедлив рушатся на пути героя и что самый герой шагает вперед и вперед по асфальту, распевая громкую песню. Подлинный дух оптимизма — в борьбе героя, в продолжении им трудностей и невзгод во имя светлой высокой цели. И в том, что в этой трудной борьбе наш герой не один — за ним все лучшее в человечестве, и путь его — это путь волевого, которая утвердится и победит.

Чувство мрачности и уныния от многих наших картин создается отнюдь не сильной, страстной, высокой драмой, а мелодрамой, действительно удивившейся на нашем экране с недавних пор... Рухнувшая семья, неудача в любви, покинутые дети — авторов интересуют в этом только душещипательные возможности сюжета. Нету в подобных картинах ни нашей борьбы, ни красок нашей эпохи, нет жизненной цели героя, нет силы мысли, характеров, нет страсти чувств, столкновений. Есть только слезы да вздохи. Вот откуда слышны «уныние» на экраны.

Мрачность — в слезливости, а не в драмах, которые потрясают и нравственно очистиют. Мрачна ли сцена Наташи и умирающего князя Андрея в «Войне и мире»? Не знаю, не думаю. Она потрясает.

Как объяснить, почему славу нашему кинематографу приносит сейчас почти сплошь фильмы об Отечественной или гражданской войне? Да потому, что есть там вся сложность, мучительность и радость борьбы во имя лучшей жизни и коммунизма. Там не нитье, а борьба. Серьезность борьбы. Высокая драма человеческих испытаний, заканчивающаяся победой советского, партийного начала. Пусть же подумают о причинах успеха наших военных картин те работники студий, которые добиваются, чтобы фильмы на современную тему были приглашены, принудены и расчесаны на прямой пробор. И полагают, что именно в этом — их «оптимизм».

Мне думается, что общее ощущение сумрачности нашей кинопродукции происходит еще и от того, что почти совсем не появляются на экранах комедии, веселые фильмы и обозначены все те картины, которые так любят народ и которые должны быть в нас в великом множестве. Основным и почти единственным жанром является кинодрама. Получается как бы неправильный репертуарный «баланс». Мне кажется, что вопрос о создании кинокомедий — действительно самый неотложный вопрос. Надо делать больше комедии и маленькие «комические». И целые серии небольших фильмов для известных, любимых комедийных актеров. Можно поставить и вовсе крохотные картины — легкий, острый, смешливый фельетон, демонстрируемый в начале сеанса. Надо думать, экспериментировать, — и появятся сотни комедийных картин самого различного типа. И восстановится нужный, необходимый репертуарный «баланс».

Мой дар убог, и голос мой негромок. Но я живу, и на земли мое. Кому-нибудь любезно бытис.

Но комедия есть комедия, а драма есть драма. И драма обогатенная, дра-

ма без подлинных горестей, без счастья битвы и счастья победы — это мыльный пузырь.

И еще об одном рутинном явлении в разработке конфликта. Очень часто бывает, что конфликт разрешается не драматическим столкновением, а вступают ступенчатость, укладает, «уходит в песок». Вот, к примеру, хороший по многим своим компонентам фильм «Все начинается с дороги» (по сценарию Д. Храбровицкого). Рабочий высокой квалификации, привыкший к темпам, организованности крупных строек, волею судьбы становится членом небольшой и пестрой бригады, строящей третестепенное шоссе. Мысль автора в том, что подлинный советский человек будет передовым рабочим в любом виде, куда его ни забросит жизнь. И не только передовым рабочим, но и воспитателем масс.

Мы видим, сколь различны люди бригады, сколь различны их интересы, и понимаем, что задача героя будет нелегкой. Ютлично! Персонажи расставлены, действие начинает развиваться, зритель следит за событиями с возрастающим интересом, и вдруг все как бы сразу свертывается, сникает, сходит на нет. Все плохое внезапно становится хорошим без видимых трудностей для героя. И мы, знаящие, сколь сложен и труден в людях именно этот переход от плохого к хорошему, тогда диву даемся, глядя на это чудо. И еще больше удивляемся этому чуду, узнав, что произошло оно в пределах сценария отделеда. — ведь в сценарии Д. Храбровицкого дело обстоит совсем не так, как в фильме... Вот это-то ступенчатое, странное, внезапное исчезновение конфликта вместо его драматического разрешения — подлинное бедствие для многих наших картин.

А язык, которым говорят персонажи многих наших сценариев? Он сух, односторонний, тускл, в нем нет ни яркости, ни силы, ни подлинных, живых красок. Все люди говорят на один манер. Где же индивидуализация языка, где та тонкая живопись, когда строй речи определяет характер героя, его внутренний облик? Индивидуальный язык придан лишь колхозным бабам да дедам. Но какой это архаичный, мертвый, стилизованный язык — такого давно не существует в природе!

Нереже языкowymi средствами пренебрежительного отношения многих литераторов к сценарию. Сценарий пишется ими, так сказать, «облегченным оружием». Бывает и так, что сценарий, написанный отличным языком, постепенно уступает на производстве: реплика «неудобна» актерам, то она «неудобна по мизансцене» режиссеру. И вот актер и режиссер сочиняют «свою» реплику полегче.

Чем далее будет развиваться киноискусство, чем смелее будет оно исследовать глубины души человека и его мысль, тем более значительным и основополагающим будет в нем труд писателя. Литературную ткань ничем нельзя заменить в современном кино, как бы ни стремились доказать обратное некоторые теоретики и практиканы. Самый свежий пример тому — фильм «Неотправленное письмо». Можно поистине преклоняться перед той мерой труда, изобретательности, таланта, которую внесли в эту ленту режиссер М. Калалозов и оператор С. Урусевский. Но их попытка заменить драматурга операторскими средствами, попытка устранить драматурга, дабы одной только кинокамерой передать самые сложные чувства и обстоятельства жизни четырех героев картины, потерпела, на мой взгляд, неудачу. Она неверна в самом принципе. Мы удивляемся мастерству оператора, но остаемся холодны к самым трагическим коллизиям картины. Нереже кинодраматургии обрушилось, словно бурманган, на создателя фильма.

Нам говорят — это поиски. Да, чтобы действительно отобразить нашу советскую современность, необходимо искать новые формы киноискусства, которые позволили бы сплавить в единую ткань огромное и как бы малое, пусть истории и жизнь отдельного человека, думы и чувства эпохи с тончайшим анализом души. Все это нельзя выразить в старых традиционных кинематографических формах, как нельзя выразить это, и тут, вероятно, В. Плущен прав, пользуясь одними старыми формами театра. Надо искать и искать! Но, как мне думается, путь этих поисков далек от пути авторов «Неотправленного письма». Линь рука об руку с автором, с драматургом, с писателем можно пройти этот путь и достичь желаемого.

Кинодраматургия — равноправный отряд литературы. Мы часто повторяем эти слова, не вдаваясь полностью в понимание их существа. А существо это весьма значительное. Наряду с литературой, которая воздействует на массы через книгу, через печать, появилась, рождалась, ширится литература, которая воздействует иными, неизмеримо более грандиозными средствами, — литературой кино, телевидения.

И для того, чтобы она росла, крепла, чтобы выполняла те огромные задачи, которые ставят перед ней Советская страна, нужна решительная борьба с бедностью мысли, с рутинной и штампованной, которые истощают ее и лишают силы.

Только подлинное искусство, яркое, умное, опровергающее рутину может по-настоящему волновать, звать, учить.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 30 10 марта 1960 г. 3

КАМО ПРЕДСТАВИТЬ?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

«завзятный» инженер Полетаев и его сторонников. В газете Педнабтитуа имени Потемкина «За педагогические кадры» (от 22 января 1960 г.) говорится, что «студенты и педагоги различных педагогических институтов восполнились, когда узнали о выступлении Полетаева». И даже один заведующий учебной частью средней школы сказал: «10-й класс почти прекратил занятия по литературе, сославшись на заметку Полетаева». Может быть, это и преувеличение одного зауча. Но это уже дурной симптом. Он говорит об отрыве интереса к главному: к внутреннему, идеологическому миру человека. А это уже серьезно. И в ряде выступлений Эренбурга эта опасность была названа верно. Между прочим, я был введен в заблуждение вышеназванной газетой, где Эренбургу была приписана мысль, что писатель посчитал это явление кратковременным, «вроде насморка». Но, как выяснилось, И. Эренбургу не послали ни стенограммы его встречи со студентами института, ни даже номера вышедшей газеты.

Для восстановления истины также следует сказать, что диспут в клубе имени Войтовича 23 декабря 1959 года, где инженер Полетаев полемизировал с Эренбургом, назывался так: «Диспут по статье Ильи Эренбурга в «Комсомольской правде»».

Конечно, люди не похожи друг на друга, как механизмы, собранные из стандартных деталей. И при коммунизме, когда будет полностью преодолено противоречие между умственным и физическим трудом, все же будут существовать люди, чей внутренний мир будет преимущественно окрашен их личными симпатиями, талантом, творческими склонностями. Нельзя считать Дарвина односторонним гением потому, что с годами он постепенно охладевал к поэзии, хотя в молодости читал и любил стихи. Когда-то Джэмс Кларк Максвелл говорил в своем известном докладе «О соотношении между физикой и математикой», что существуют и такие люди, которые всецело могут быть поглощены эстетикой чистых математических величин. Эрико Ферми, этот великий теоретический ум современной ядерной физики, конкретное любил переводить в абстрактное. Так, на пароходе на Южной Америки по дороге в Италию, познакомившись с известным композитором Респиги, он попытался «заставить композитора», как пишет Лаура Ферми, «свести для него музыку к совокупности математических соотношений, разбить на последовательности измеримых числовых интервалов, представить ее в виде системы

вопросе куда больше прав Илья Эренбург, который справедливо замечает в своей статье о Поле Элюаре (в книге «Французские тетради»), что если различные формы искусства рождаются, дышат и умирают, то заявления о том, что поэзия должна или отмереть, или совершенно преобразиться, построены скорее «на правдоподобности догадок, нежели на правдивости данных... Но есть такие прозрения, такие ощущения гармонии или разлада, которые не выразить ни в новелле, ни в статье». Но только в поэзии. Впрочем, об этом раньше писал и Гёте, который считал, что поэзия дано ухватить и выразить такие явления, которые нельзя выразить и понять никаким другим способом.

Эта мысль мне представляется глубокой и правдой. Н. Заболоцкий, который был наделен поразительным чувством поэтического, мне как-то сказал также, что главное в поэзии — это особое мировосприятие, основанное на проинновенной интуиции, основанное на чувства, которые по-иному не выразить, как в стихах. Веда заключается в другом: мы слышим привычки к «прозаизированию» поэзии, к рифмованной журналистике, к использованию поэзии для изображения тех предметов, которые больше пригодны для выражения их средствами прозы или риторического красноречия. Мы все время забываем о том, что В. И. Ленин так точно выдвинул у Гегеля: предмет указывает на путь познания, мы сами конструируем этот путь, наши развивающиеся рефлексы. Вот почему я не представляю себе, как человек может жить без поэзии, музыки, живописи, без искусства? Конечно, человек может передвигаться в жизни при помощи только реального транспорта. Но тогда он позабудет, что он не только человек, но и бог. Забудет, что у него крылья за спиной. Он будет только «дрожащая тварь», как говорил Пушкин.

Не знаю, где здесь находится место критики между холодными знающими интеллигентом и теплой поэзией. Я говорю о критике, как литературном жанре и даже оригинальной литературной профессии, ум, мало популярной у читателя и вызывающей противоречивые суждения. Многие художники слова считают, что критика только и болтается под ногами искусства. Они ничего полезного не приносят самим художникам, а чаще неприятности. Может быть. Не знаю. Пусть.

Мой дар убог, и голос мой негромок. Но я живу, и на земли мое. Кому-нибудь любезно бытис.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 30 10 марта 1960 г. 3

Накануне визита Н. С. Хрущева

О предстоящем визите во Францию Никиты Сергеевича Хрущева говорят в эти дни на улицах Москвы и Парижа, Лондона и Брюсселя, в городах разных стран люди различных профессий, взглядов и убеждений. Говорят с надеждой и верой — посланец Советского Союза несет идеи мира, сосуществования, дружбы... Французская газета «Юманите» опубликовала 5 февраля страницу высказываний парижан, у которых сотрудники редакции взяли интервью. Мы — за поездку Н. С. Хрущева, сказала большинство французских. Сегодня нами воспроизводится новая страница из газеты «Юманите»: корреспондент газеты говорил на улицах Москвы с людьми разных профессий, разных профессий на эту же тему. «Мы — за», — сказали все они, и за этими словами — воля всего сплоченного вождино советского народа, горячо одобряющего политику своего правительства.

См. «Литературную газету» от 13 февраля 1960 года.

«НОРМАНДИЯ — НЕМАН»

— фильм о героизме. Трудная тема — ведь героизм, как и другим моральным ценностям, сначала надо дать определение, и только потом можно его рассматривать в свете современных воззрений.

В давние времена узнать героя было легко. Он не ведал ни страха, ни упреха. Он ходил со шпагой и в латах. Он потрясал над головой знаменем. Он врезался во вражеский стан.

С тех пор изобрели ружье, пушку, самолет и атомную бомбу. И понятие героизма чрезвычайно усложнилось. Можно ли сейчас отождествлять героя и воина? Пусть даже самого опытного воина: лучшего артиллера, пилота, обладающего мгновенной и точной реакцией, стратега, самого дальновидного? Да, владение техникой, зачастую обеспечивающее успех, победу, следует отнести к совсем иной категории, нежели героизм.

Словарь Ларусса гласит: героизм — это душевное величие. Вот понятие, воистину не вмещающееся в рамки поля сражений! Это не только величайшая степень храбрости, продолжает Ларусс, это храбрость, поставленная на службу великой и благородной цели.

Летчики из эскадрильи «Нормандия — Неман» были именно такими героями. Их вступление в армию в один из самых мрачных периодов войны было героическим шагом.

Попробуйте представить себя на месте этих молодых французов в тот час, когда надо было сделать выбор. Каждый из них оказался один на один со своим решением. В общей сумятице поражения ему пришлось черпать лишь в самом себе веру, необходимую для того, чтобы бросить на весах свою жизнь, все свое будущее. Ему надо было обладать дальновидностью, достаточной для того, чтобы представлять последствия своего решения, независимостью суждений, достаточной для того, чтобы действовать наперекор многим, смелостью, достаточной для того, чтобы подвергнуть опасности своих близких. Первая победа каждого из этих молодых людей была победой над самим собой. Опасения наиболее мешающие, несомненно, оказались наиболее трудно преодолимыми. Ведь нужна большая твердость для того, чтобы рискнуть своим положением, нежели для того, чтобы поставить на карту самую жизнь; даже храбрые солдаты порой дрожат, когда их мучит страх остаться за бортом, в одиночку.

Приняв решение, надо было воплотить его в жизнь. Лишь немногие французы добились такой привилегии, но эти немногие знали, что они представляют многих. Тех, кому не удалось бежать, и тех, кто предпочел продолжать борьбу на родной земле. Нужны были мужественные люди, чтобы сражаться под трехцветным знаменем бок о бок с нашими союзниками.

Летчик из эскадрильи «Нормандия — Неман» был таким человеком. Он отправился в СССР в те мрачные годы, когда советский народ вел смертель-

В небесах мы летали одних...

Жак РЕМИ, французский писатель

ПАРИЖСКАЯ КРИТИКА ЕДИНОДУШНО ОДОБРЯЕТ ФИЛЬМ «НОРМАНДИЯ — НЕМАН».

ный бой против нацистского рейха, когда фронт растянулся на многие тысячи километров. Взоры всех, кто любил свободу, прогресс, терпимость, были устремлены на Красную Армию, воплощавшую все наши надежды. Сидя у тайных радиоприемников, мы ждали, когда наступит час советского коммунизма, заучивали наизусть названия самых маленьких украинских и белорусских деревень. Знал мы тогда, что в этой борьбе плечом к плечу с советскими людьми участвуют французские солдаты, мы были бы горды и счастливы.

Все это — события совсем недавнего прошлого, и говорить о них можно лишь с бесконечным тактом и деликатностью.

Воздадим хвалу Жану Древиллю, воздадим хвалу Шарлю Спауку, Константину Сиомову, Эльзе Триоле, сумевшим в этом совместном франко-советском фильме преодолеть немалые трудности. Постановщики понимали, что малейшее отступление от правды, малейшая перекомпоновка фактов ранили бы многих очевидцев, оскорбили бы много воспоминаний. Поэтому они смело отказались от сценария канонического типа. У них хватило смелости облепить повествование в форму хроники, точно следовая дневнику эскадрильи, рассказывать просто, без всяких ухищрений. Их честность была вознаграждена. Из этой череды эпизодов, казалось бы, не слишком эффектных, из этой плотной ткани фактов возникает рассказ, гораздо более волнующий и яркий, чем любая выдуманная история, преподнесенная по всем правилам киноискусства. Рассказ незаметно захватывает зрителя, как захватило бы изустное повествование очевидца. Это объясняется тем, что все в фильме — правда, ничто не приправлено в угоду нам, зрителям, кинематографическим соусом. Повествование, в котором стремятся по возможности сохранить реальную последовательность фактов, привлекает наше внимание с начала и до конца всей логикой своего развития, более неуловимой, чем в какой-либо вымышленной истории. Если мы приглядимся вглядимся в этот фильм, мы увидим, что его непринужденность и простота — не результат копирования событий, а плод кропотливой работы.

Действительные события не скопированы, а восстановлены в своей подлинности,

деталь за деталью, как восстанавливают произведения мастеров, перенося мельчайшими пластинами картину с одного полотна на другое. Ничто не осталось в виде сыра. Все переработано так, что стало в тысячу раз более живым. Посмотрите на парней из эскадрильи в момент прибытия, на отдыхе, на учениях. Все в неспешном движении, все трепещет живой жизнью именно потому, что их десять — двадцать. Будь их на экране больше — шестьдесят или сто, как было на самом деле, они слились бы в аморфную массу. Ведь десятки советских людей — инструктора, механики и офицеры — тесно сотрудничали с французами. В фильме показывается только несколько человек. Но как трогательно все сделано: этот генерал, который мучительно переживает смерть первого командира эскадрильи, этот офицер, убитый в результате трагической ошибки летчиком дивизии «Нормандия-Неман». Этот механик, который завязал такую прочную боевую дружбу с французским лейтенантом, что тот предпочел умереть вместе с ним, чем жертвовать им. Все эти русские, этот братский народ как сливаются в фильме в единый волнующий образ. Вот полковник Марселеса, которую русские и французы вместе поют в финале фильма, выходя за пределы экрана в кинотеатре на Елисейские поля в день премьеры. Нужен был весь кинематографический опыт Древилля, чтобы так уверенно найти правильную дозировку. Так, количество действующих лиц в фильме определено очень точно. Их не много и не мало, а как раз достаточно, чтобы воплотить реальные образы: неправды в этом нет никакой, ибо если в образе каждого летчика воплощено несколько человек, то все факты, показанные нам, подлинны. Объяснить это зрителю не нужно, он сам все чувствует и понимает.

Точно так же и жизнь этих людей передана настолько правдиво, что, глядя, как они живут и двигаются, мы забываем, что перед нами герои. Но у меня возникает вопрос: нет ли явной предвзятости в этом стремлении авторов фильма к простоте? Была ли действительность столь тусклой? Не снижали ли ее пафос, не уничтожили ли его совершенно намеренно, приглушив в погоне за модой общий колорит?

Что же это? Транспортировка в другой ключ? Да, безусловно. Это поиск правды, разумеется. А быть может, это сама правда? Ведь герои из эскадрильи «Нормандия-Неман» и их легендарные русские товарищи были, наверное, простыми людьми, каких мы встречаем каждый день, и только исключительные обстоятельства, в которых они оказались, сделали их людьми исключительными. Об этом говорит и дальнейшая судьба героев эскадрильи: после победы их можно было увидеть и в армии, и в гражданской авиации, и в промышленности, они занялись и торговлей, и ремеслами. Один из них даже стал... барменом. Все они снова в тени. Когда это становится необходимым, из недр народа выходят герои и снова растворяются в нем, когда возвращается мир. Пожелаем же, чтобы миру никогда более не приходилось выковыривать новых героев войны.

ПАРИЖ
На снимке: кадр из кинофильма «Нормандия — Неман».

ЛЕОН КЮФФ О ФИЛЬМЕ

КОРРЕСПОНДЕНТ «Литературной газеты»? О, я очень рад — так встретил меня один из прославленных летчиков полка «Нормандия» Леон Кюффо, превавший из Франции в Москву на премьеру фильма «Нормандия-Неман».

Я не очень хорошо знаю русский язык, но вашу газету читаю. Я вообще очень внимательно слежу за печатью. По газетным статьям я представляю себе, как живут мои старые друзья.

Их, наверное, очень много. У меня чудесные друзья — полковник Агавельян, полковник Пинчук, генерал Голубов, полковник Шураков...

Вы уже, кажется, видели фильм «Нормандия-Неман»?

Да, я видел этот чудесный фильм в Париже. Он идет около двух часов, но за эти минуты передо мной прошла вся история нашего полка. Мне фильм очень нравится, очень. Он правдив и мужествен. Вы знаете, смотрел и плакал. Не стесняюсь об этом сейчас говорить. Я — полковник авиации, всю войну летал на истребителях. Я пережил потерю друзей, видел смерть, разрушенные города и села. Все это очень страшно. Но у меня крепкие нервы, и если я не могу сдержать слез, — значит, так высоко искусство этого кинопроизведения.

Я как бы вернулся к своим старым фронтовым друзьям, снова пережила все то, что уже стало достоянием истории. Когда на экране появлялись люди, может быть, внешне не очень похожие на моих друзей, рядом с которыми пришлось воевать, то внутренне я чувствовал, что это именно те, с кем я прожил самые тяжелые годы своей жизни.

Мне кажется, — продолжал мой собеседник, — что такой фильм имеет, может быть, большее значение, чем многие дипломатические ноты. Этот фильм покажет миллионам людей, что такое настоящие друзья, что могут сделать люди разных национальностей, если их сердца полны стремления к миру...

Мы ждем к себе в гости Никиту Сергеевича Хрущева. Франция взбудоражена ожиданием этого визита. Все хотят видеть вашего премьера, услышать его, и все верят, что это укрепит мир.

Я еще очень мало видел нового в Москве, просто не успел. Но то, что увидел, — это необычайно красиво, это очень здорово.

Передайте привет вашим читателям. Я их очень люблю.

...На столе Леона Кюффо — несколько писем, адресованных друзьям дома, во Францию. На конвертах, чуть повыше адресов, по-русски, рукой летчика написано: «Привет из Москвы». Рядом — папка открыток, еще не готовых к отправке. Кюффо улыбается:

— В Париже многие ждут эти приветы...
Р. РОСТИН

ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ДНЕВНИКА

Вл. МАЧАВАРИАНН

Я ПРИЕХАЛ в Париж после более чем тридцатилетнего перерыва. Большой срок. В этот приезд мне показалось, что Париж изменился, стал словно бы грустнее, обремененным заботами, какими-то тяжелыми думами и мыслями. В нем было нечто неподвижное, замершее. Казалось, что бунинские и рыбки на набережных Сены, толпа, поющая «Ave Maria» в день вознесения в Соборе Парижской Богоматери, — это очень одаренные, талантливые актеры, которые из века в век играют свои хорошо заученные роли. Гиды, сопровождавшие нас по Лувру, залам Версальского дворца, по большому и малому Трианону, рассказывали нам о Людовиках, их женах и любовниках, Марии Антуанетте, мадам Помпадур. Наполеоне таким тоном и с таким сочувствием, как будто они расстались с нами несколько минут тому назад. Они так устали от этого беспрерывного общения с тенями прошлого, что, кажется, потеряли чувство времени, и только бублющая «Ка-ко-ла», которой мы учащаясь, возбуждала в нас восторг. Французский полковник новых забот, новых радостей, новых огорчений и новых радостей.

Мне пришлось встречаться во Франции со многими людьми, и некоторые из этих встреч, когда я вспоминаю их сейчас, кажутся мне особенно интересными.

В Шамони, прославленном горном курорте французских Альп, за чашкой кофе на вершине Этны до Миди на высоте 3 842 метров, куда мы поднялись за несколько минут по воздушной канатной дороге, таню, которая сейчас связывает пункт съезда Руссеза с Тоблиси с пунктом Мтаминда, я разговорился с нашими земляками из «Лиги просвещения», по приглашению которой мы и прибыли во Францию.

«Почему Париж казался мне грустнее, почему вы все так задумчивы, где ваш галльский задор?» — Неужели вы это заметили? Мы сейчас очень много думаем, многое переосмысливаем, думаем о причинах, обуславливающих великое прошлое Франции, о сегодняшнем дне, о будущем. Франция задумалась. У нас есть о чем думать, о чем заботиться. Франция задумалась, и, возможно, ушедшая в думы страна показала нам грустную и печальную, но галльский дух жив в нас, нет силы, которая могла бы его убить. Ведь мы — страна Декарта и Вольтера, Рабле, Корнеля и Расина». «Мы зна-

любви этот очень старый француз.

В Довилле мы были гостями директора большого частного колледжа. Он долго жил за пределами Франции, был директором французских колледжей в Южной Америке, в довоенной Польше. Сам историк литературы, он хорошо разбирается в литературных делах и философских проблемах современной Франции. Не удивительно, что разговор зашел о современной французской литературе.

Я слежу за вашей литературой, за вашей «Литературной газетой», я жил в Польше, я могу свободно читать по-русски, — сказал директор. В споре, разгоревшемся между нами, он уступил нас в упрощенном, на его взгляд, подходе к проблемам литературы и философского порядка, в неправильном отношении к Камю, Сартру, Саган. По его словам, центральная проблема сегодняшнего дня — проблема бытия, существования человека, человек сейчас в центре вселенной. Камю, Сартр хотят решить эту проблему, думают над ней.

«Вы ухватились за Роже Мартен дю Гара, вы думаете, что Роллан или Франс дают ответы на вопросы, которые нас волнуют. Роже Мартен дю Гара, Роллан, Франс — это история литературы. Камю, Сартр — это ее сегодняшний день...»

Так ли это? — подумалось мне. Разве мы, советские люди, не хотим понять А. Камю, Ж. П. Сартра и других? Но ведь для того, чтобы понять, нужно извести сложные спекулятивные мысли к какому-то простому логическому знаменателю. Это не упрощенчество. Это — логическая необходимость. Мы высоко ценим человеческие достоинства Камю и Сартра. Мы не забыли, что они были нашими братьями по оружию, участвуя во французском Сопротивлении. Они пытаются решить те большие вопросы, которые встали сейчас перед человеком, перед французами, перед Францией. Однако разве можно решать эти проблемы, исходя из принципа «милосердия»? Камю, кокетничая с нищенством, находясь в плену у пессимизма?

Трудно разобраться в запутанной алгебре мысли Жан Поль Сартра. К чему может привести несуществующее желание Камю и Сартра стать по ту сторону добра и зла? Они хотят освободить человека от всего, от самого себя. Сартр ищет такую конституцию общества, которая максимально приблизит его к этой свободе, но какими путями, какими методами создавать это общество? Ответа на эти вопросы нет ни у Сартра, ни у Камю. Я высказал свои мысли собеседнику. — Почему не переводят у нас Франсуазу Саган? Я не переводчик и не издатель. Но если бы я был и первым, и вторым, едва ли я за-

ялся бы этим делом. Проза Ф. Саган чиста и прозрачна, но я вас спрашиваю, к кому, в частности, обращается Ф. Саган, с каким словом идет она к людям? На приветствие Саган «Здравствуй, грусть» у нас никто не отвечает. Франсуаза Саган молода, она влилась в стихию великого французского языка, если же она постигнет и глубину французской мысли, у нас начнут ее переводить, начнут читать, кто знает, может быть, будут любить. Помните, как великолепно сказал действительно любимый и почитаемый у меня на родине, ваш поразительный Антуан де Сент-Экзюпери: «Любить — это значит смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении».

Р. Роллан, А. Франс, Роже Мартен дю Гар — не история, это живая Франция. Я был на могилках Роже Мартен дю Гара и незабвенного Фредерика Нюло. Юри и склонившись над землей, которую они так возвеличили, думал о бессмертии народа, без которого намного беднее был бы род человеческий. В одном я согласен с А. Камю, он правильно писал в «Фигаро литер» о Р. М. дю Гаре: «Он помогал нам жить». Помогайте жить живые, а не тени прошлого.

Директор встал. «Давайте выйдем к морю. Я не хочу с

История одной распри

В СЕМЕЙСТВЕ бонских милитаристов разразился небольшой, но примечательный скандал. Бывший гитлеровский генерал и нынешний генеральный инспектор бундесвера Хойзингер, реваншист до мозга костей, в специальном приказе запретил своим подчиненным... сотрудничать в мажорном реваншистском листке «Дейче зольдатенцейтунг» и принимать его представителей.

«Дейче зольдатенцейтунг» не остался в долгу. Она перешла в контратаку и стала палить в высшего офицера бундесвера из орудий эссы калибров. Делает она это так, что можно подумать, будто у газеты и впрямь нет ничего общего с Хойзингером...

Маскируясь под «демократов», реваншисты из «Дейче зольдатенцейтунг» пытаются выдать себя за представителей молодого поколения, которое, мол, не сотрудничало с нацистским режимом, не говоря уже о том, что не служило ему. Они заявляют, что не потеряют «диктаторских замашек» Хойзингера, что том его приказа «напоминать том его бывшего верховного начальнику», то есть Гитлера. И предприняют генерального инспектора бундесвера, что будет следит за тем, чтобы ни один военнослужащий не подвергся репрессиям за «общение» с «Дейче зольдатенцейтунг».

Руководители милитаристского листка не ограничили лишь нравочением по адресу Хойзингера. Они призвали на помощь полномочного бундесрата по вопросам бундесвера, бывшего гитлеровского генерала фон Грольмана, который пообещал «заняться» возникшим конфликтом. Под массивным огнем Хойзингер отступил. Недолго думая, он совершил приказ якобы не был (хотя ширф его приведен в печати), и он выступает только против сотрудничества в «Дейче зольдатенцейтунг» генералов, офицеров и прочих военнослужащих. Ехидно сообщая о выигранном первом раунде, газета уверяет, что пока Хойзингер добился одного: число ее читателей возросло.

Чем же разгневала «Дейче зольдатенцейтунг» генерала-реваншиста? Или, может быть, Хойзингер перестал быть Хойзингером? Конечно, нет! Кстати сказать, до него и министр обороны ФРГ

таков подтекст приказа Хойзингера по поводу не в легу ретивой «Дейче зольдатенцейтунг». Вы не разоблачили в сути шифро «обходного маневра». Вы говорите: «бундесвер не должен быть упором для НАТО», а мы добираемся, чтобы НАТО стала упором для бундесвера». Прислушайтесь к тому, что сказано в узком кругу в Бонне сказал господин министр Штраус: «Сперва мы обеспечим наш бюджет вклад в НАТО. Когда же бундесвер будет готов действовать, вот тогда мы как следует, на германский лад, поговорим с безмозглыми паломниками в Москве, с апостолами разрядки и покажем им, что же на деле командует в НАТО». Так что существуют сами по себе, контакта с вами — открыто — мы подтверждать не будем и даже официально выразили вам наше недовольство. Существуют неофициально. Эта расправа вам на пользу, да и нам — тоже.

Такая формула перехода к «очередным делам», безусловно, полностью удовлетворит всех участников конфликта...
Д. УМАНСКИЙ

Р. С. А вот, пожалуй, и впрямь, разгневанный несколькими неожиданными. Тайный флирт бонских реваншистской верхушки с франксистским Мадридом стал достоянием гласности; и милитаристы из «Дейче зольдатенцейтунг» могли вполне убедиться в несправедливости упреков по адресу Хойзингера. Оказалось, что уже сегодня Хойзингер и его шеф Штраус разговаривают с союзниками по НАТО «на германский лад»: плещут на всевозможные бумажные преплоны, возрождают неподконтрольную НАТО фашистскую «эссу» Гитлер — Франко и обходным маневром устраняют в Испанию собственных военных базы. Да еще выговаривают своим союзникам за то, что они, узнав об этом, не захотели держать язык за зубами!

Д. У.

Главный редактор С. С. МИРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛЮХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.